

Научная статья
УДК 32.019.52
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-234
EDN: CHXIAC

Образ советской эпохи «застоя» в личных письмах писателя Л. Воробьева

Татьяна Леонидовна Каминская

Доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. 173003, г. Великий Новгород, ул. Санкт-Петербургская, д. 41
tlkam1@mail.ru, <https://orcid.org/000-0002-8371-787X>

Аннотация. В статье рассматривается образ советского периода, именуемого сегодня эпохой «застоя», который реконструируется по текстам личных писем костромского и новгородского писателя Леонида Воробьева (1932–1976 гг.). Автора писем с некоторой долей условности относят к писателям-деревенщикам. По публикационной активности Леонида Воробьева можно считать успешным писателем, автором десятков книг, вышедших в Ярославле, Ленинграде и Москве, а рассматриваемые письма (более 200-х) написаны в самый плодотворный период творчества, в последнее десятилетие жизни писателя. Этот период связан с организацией в Новгороде отделения Союза писателей, чем был обусловлен переезд в город Леонида Воробьева.

Автор статьи обращается к тем фрагментам личной переписки, которые характеризуют социокультурную реальность эпохи, акцентируя внимание на событиях личной жизни, связанных с реалиями советского времени.

Особое внимание уделено таким аспектам, как жизнь творческого человека в идеологических координатах того времени, связанная с взаимоотношениями с издательствами и личностями редакторов; устройством быта в распределительной системе товарного дефицита и самой возможности жизни в советское время только литературным трудом.

Эпоха «застоя» исследуется методами дискурс-анализа и контент-анализа, представляя многослойным противоречивым феноменом: в ней фиксируется, с одной стороны, зависимость творчества от советской идеологии, с другой – просветительские усилия государства и содействие образовательным и творческим практикам.

Актуальность статьи связана, во-первых, с самим материалом исследования и, во-вторых, с необходимостью с сегодняшней полувековой дистанции непредвзято осмыслить исторический период, который зачастую оценивается полярно и однозначно.

Ключевые слова: эпоха «застоя»; письма писателя; ностальгия по советскому; советская идеология; Леонид Воробьев; интерпретация советской реальности; издательская политика, советский быт

Для цитирования: Каминская Т. Л. Образ советской эпохи «застоя» в личных письмах писателя Л. Воробьева // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 234–241. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-234>. <https://elibrary.ru/CHXIAC>

Original article

The soviet era of «stagnation» in personal letters of the writer L. Vorobyov

Tatiana L. Kaminskaya

Doctor of philological sciences, head of the department of journalism, Yaroslav the Wise Novgorod state university. 173003, Veliky Novgorod, St. Petersburg str., 41
tlkam1@mail.ru, <https://orcid.org/000-0002-8371-787X>

Abstract. The article examines the image of the Soviet period, referred to as the era of «stagnation», reconstructed on the basis of personal letters written by the Kostroma and Novgorod writer Leonid Vorobyov (1932–1976). The author of the letters conventionally belongs to the group of village writers. Judging from his numerous publications, Leonid Vorobyov can be considered a successful writer, the author of dozens of books published in Yaroslavl, Leningrad and Moscow, and the letters in question (more than 200) were written during the writer's most prolific period, which was the last decade of his life. This was the period when Leonid Vorobyov moved to Novgorod where the Novgorod branch of the Writers' Union was organized.

The author of the article turns to the fragments of the letters that describe the social-cultural reality of the period, focusing on the events of personal life related to the Soviet realities.

The article pays special attention to such aspects as the life of a creative person within the ideological framework of that time, including relationships with publishing houses and editors' personalities; the arrangement of everyday life in the distribution system of commodity shortages; and the very possibility of earning a living in the Soviet times through literary work alone.

The author analyzes the period of «stagnation» using the methods of discourse analysis and content analysis, showing a multilayered contradictory phenomenon: noting, on the one hand, the dependence of creative work on Soviet ideology, and, on the other hand, the state's efforts of enlightenment and promotion of educational and creative practices.

The relevance of the article is connected, firstly, with the research material itself, and, secondly, with the need, after half a century, to impartially comprehend the historical period, which is often assessed in polar and unambiguous terms.

Key words: the era of «stagnation»; writer's letters; nostalgia for the Soviet; Soviet ideology; Leonid Vorobyov; interpretation of Soviet reality; publishing policy, Soviet everyday life

For citation Kaminskaya T. L. The Soviet era of «stagnation» in personal letters of the writer L. Vorobyov. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(4):234–241. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-234>. <https://elibrary.ru/CHXIAC>

Введение

Осмысление советской эпохи периода «застоя» осуществляется в искусстве и в науке. К настоящему моменту данному феномену посвящены несколько десятков публикаций, содержащихся в базе РИНЦ. Как правило, в них СССР рассматривается чаще всего как экономический проект [Ершов, Любимов, 2019], как социально-идеологический конструкт [Лушин, Утешева, 2019] и как среда для существования довольно экзотических явлений (таких, например, как нонконформистское искусство [Суворова, 2021] или советский анекдот [Капустина, 2012]). Зачастую наука предьявляет цифры и показатели, предлагая на их основании разделить «застой» на два периода, в первой части которого «(приблизительно 1964–1975 гг.) еще не ощущался фундаментальный кризис советской системы управления общественными отношениями, о чем может свидетельствовать повышение материального уровня советских граждан, укрепление социальных гарантий» [Упоров, Тицкий, 2021, с. 504]. При этом чаще всего в исследованиях не содержится сведений о самоощущении граждан, живших в тот период.

При этом «застой» получает самые полярные оценки наших современников – от номинации «ледниковый период» [Каравайцева, 2012], до повода для ностальгических переживаний [Оглезнева 2018]. Интересно при этом, что ностальгию по советскому транслирует молодое поколение, не жившее в тот период [Романова, Федорова, 2021]. Этот факт не в последнюю очередь связан с текстами медиа и произведениями искусства о периоде «застоя», которые от разоблачительных историй 1990-х годов перешли в 2000-х к изображению «застоя» как стабильного и безмятежного времени. В целом, ностальгия по прошлому в ис-

кусстве, как указывают исследователи, явление не новое: «эксплуатируется образ идеального прошлого, которое ощущается как потеря, но в котором современные жители России испытывают потребность, что становится важным для актуализации духовных оснований современного общества, в чем, собственно, и заключается парадокс современности» [Злотникова, Куимова, 2021, с. 141].

Востребованность осмысления советского времени подчеркивается культурологами: «Восприятие советского в современной культуре обновляется в последние годы с высокой частотой: чем больше в жизни политики, тем больше сложности, эмоционального накала и двусмысленности в этом восприятии» [Дидковская, 2022, с. 159].

Представляется важным при исследовании образа «застоя» осмыслить его социокультурное пространство, являющееся сложным феноменом; оно «изначально объединяет культурную и социальную составляющие, которые взаимосвязаны и взаимозависимы» [Ерохина, 2023, с. 243]. В этом пространстве нельзя недооценить роль творческой советской интеллигенции, ставшей «фактором не только творческого подъема, но и перехода от монокультуры к культурному многообразию. Отдельные произведения поражают своей глубиной, отражением личностных чувств персонажей. После эпохи «оттепели» даже период «застоя» не мог существенно повлиять на запрос науки, культуры и искусства, на человечность, ориентацию на личность, ее заботы, интересы, права» [Лушин, Утешева, 2019, с. 122].

Личные письма того времени представляются удачным материалом для непредвзятого образа того времени, поскольку в отличие от авторов мемуаров и произведений искусства их авторы

допускают меньше искажений повседневности и метафоризации, так как адресованы современникам.

Рассмотрение личных писем как релевантного источника исторических сведений и фактов личных биографий известных людей имеет давнюю традицию [Никонова, Жумлякова, 2022]. Особняком здесь стоит переписка писателей, поскольку именно писателям свойственно профессиональное умение подмечать детали и вписывать события личной жизни в социальный контекст современности [Карташова, Бобыкина, 2021]. Отмечалось, что писательское письмо «обладает индивидуальными характеристиками, которые находят реализацию как в содержании, письмо выполняет информативную (сбор материала) и коммуникативную (соотнесение материала с личностью адресата) функции, так и во внешней форме» [Минибаева, Жигалова, 2023, с. 66].

Методы и материал исследования

Для реконструирования образа советской эпохи «застоя» автор использовала дискурсивный и коммуникативно-прагматический подходы, позволяющие учесть лингвистические и тематические аспекты репрезентации образа в общем поле межличностной коммуникации. Материалом исследования послужили более 200 личных писем писателя Леонида Воробьева, написанных им за последнее десятилетие жизни (1967–1976) из Новгорода (ныне – Великий Новгород), к своему галлическому другу Олегу Каликину.

Методом контент-анализа отобраны ключевые слова и темы писем, характеризующие социокультурную реальность того времени.

Результаты исследования

Сегодня сведения о советском писателе Леониде Воробьеве можно найти не только в краеведческих электронных ресурсах [Костромской и новгородский писатель...] и в новостях региональных медиа к юбилеям [Томмингас, 2021], но и критических очерках [Дедков, 1981], в научных публикациях [Каминская. Воробьев, 2009; Каминская, 2022]. В Новгород писатель с семьей из костромских мест переехал в 1967 году по приглашению местных властей для организации новгородского отделения Союза писателей [В Великом Новгороде сегодня вспоминают...]. Конец 1960-х ознаменован организацией разветвленной по стране сети творческих союзов, членами которых могли стать авторы, имеющие за плечами опубликованные книги или персональные художественные выставки. Новгородское писательское отделение сформировалось из минимально необходи-

мых для организации пяти членов, которых искали по всей стране, гарантируя благоустроенное жилье:

А вот квартира, город, расположение дома радуют...Понимаешь, Олег, зима на носу, а никакой заботы о воде, дровах, уюте и прочем, чего никогда бы не смог получить в Костроме (10.10.1967).

В письмах подробно описаны реалии переезда и обустройства, ожидания приезда других писателей, смены приехавших. Так, не прожил в городе и года писатель из Якутии Юрий Шамшурич, на смену которому приехал Владимир Кулагин: <...> *Две недели, как мне сняли гипс с ноги. Хожу уже нормально. Даже в Москву решил поехать не поездом, а автобусом, точно по маршруту Радищева.* (В Москву командировка по делам организации отделения Союза писателей в Новгороде).

Пряатель мой Шамшурич уехал назад в Якутию. Здесь, говорит, с голоду подохнешь. А там ему обещают двухтомник.

<...> *21 сентября было организовано отделение СП. Я, как беспартийный, как всегда, в ревкомиссии. Всего нас пять человек: два поэта, три прозаика. Один переводчик еще, остался прикрепленным к Ленинграду. Четверо из нас – на пенсии. Привычная картина.* (10.10.1967);

<...> *Приедет сюда поэт Владимир Кулагин. Пока я его не видел.*

Я веду переписку с Лениздатом, там мой сборник на рецензии, не забываю и Ярославль (22.09.1968).

Что касается писательских дач и санаториев, то ими пользовалась преимущественно столичная писательская элита, писатели же в регионах на общих основаниях покупали или получали пресловутые, полагающиеся всем советским людям, 6 соток земли для дачных дел:

Подзянял я денег и купил дачу... Дача – огород с домиком. Шесть соток, в основном, клубника. Я домик покрасил внутри и снаружи. Оклеил обоями. Сделал мелкие улучшения. И уже две ночи с сыном там ночевали. В общем, дачник. 365 рублей с инвентарем. (16.07.1969).

Живя в Новгороде, а автор писем старается не терять связи с волжскими городами и Верхне-Волжским издательством <...> *В остальном жизнь течет по-прежнему, по-тихому. Печатаю тут рукопись, о которой писал, для Ярославля. Напечатали в шестой «Волге» мой рассказ. Пятый уже раз я в ней печатаюсь. Этот рассказ*

сильно нравился Дедкову. Там концовка, если подумать, по нынешним временам загибистая. Не думал я, что его напечатают. Вызывающий рассказ (23.09.69).

Причем, интересно, что выбор издательства обуславливался не только объективными причинами (местом проживания или востребованностью автора в центрах), но и причинами личного характера:

<...> теперь о своей повестушке... Написал за советом в три адреса: тебе, Никольскому и Дедкову. Все – за «Современник». А отдал в «Волгу». Не могу я быть перекасти-полем. Ведь «Волга» выручала меня в тяжелые времена: пять рассказов дала, один за одним. Критическую статью. Анонсирует каждый год. И вышло бы, что провинциальной Золушке предпочел столичную невесту. Не дело это (4.10.71).

Между издательствами, как и между авторами, существовала конкуренция, хотя это слово в советское время практически не употреблялось. При этом существовали и неписанные правила (например, нельзя было издать две книги в один год в разных издательствах, особенно обижались столичные на публикации в региональных):

<...> Подписал верстку для «Волги». Почему для нее – объяснял тебе в письме. А «Наши Современник» рассердился, прислал верстку, с портретом, с отличным рисунком, с биографической справкой и приписку, что, мол, теперь выдерут с меня за набор и клише. Вот так. (30.10.71).

Перед самым Новым годом позвонили, что без моего ведома (Ура!) включили в план издания 1976 года небольшую книжку рассказов в издательстве «Современник». Сделали ее в подарочном оформлении. Четырежды Ура!

Ан нет. Не по Сеньке шапка. Вдруг в «Лениздат» заколодило. И перенесли меня на 76 год. Сие не страшно. Аванс получен. Никуда не уйдут.

Но в Москве – компьютер. Две книги в один год нельзя. Мне письма, звонки, а я лежу – помираю, меня колют.... Да, почему я такую секретность предлагаю. Был тайный сговор с Ярославлем на 1977 год. А две книги в год нельзя... Сказка про белого бычка. Пока затаился, куда кривая вывезет... 1-го областное совещание. Мой семинар писательский. Идти бы надо... Тогда врачи плюнут лечить. Сожрал вагон лекарств. А и писать не мог, и читать худо (30.01.75).

Отношения с советской цензурой – отдельная тема писательских писем, причем изменения в тексты вносились, порой, в последний момент перед изданием книги, и нередко, даже без ведома автора, что объяснялось не только требованиями

«системы», но и человеческим фактором редакторов:

Здорово, Олег!

Привет всем твоим домочадцам. Посылаю вот газету с новым рассказом. **Испахабилу рассказ здорово, но кое-что осталось.**

<...> Дело идет к весне, летом думаю совершить обычный вояж, загляну и на Костромщину. А послезавтра еду с бригадой выступать по области. Как в Костроме. Ведь и здесь я в Союзе писателей самый молодой.

Спасибо за пожелание выступить где-нибудь с рассказом. Вроде бы «Волга» рассказ приняла, да он тебе знакомый. Вроде бы «Полярная звезда» (Якутия) рассказ взяла. Вроде бы Лениздат включил меня в план 70-го года. Дай Бог (30.01.1968).

<...> Книжка в Лениздате, видимо, выйдет в декабре, книжка в Ярославле на днях будет сдана в набор. **Последнее меня огорчает. Два года говорил, что приеду, посмотрю перед набором. А они – раз и квас. Уж не хитрят ли, не уменьшают ли договорный объем? Все может быть, пока меня тут нет. А книжке этой придаю первостепенное значение. Десятая, отчетная, к сорокалетию!** (30.10.71).

А дел навалилось... Звонят из Ленинграда, уточняют все со второй версткой (книжка должна выйти к маю). Потом самая главная верстка – «Современник». Вычитал полубольной. И расстроился. **Редакторша отобрала все новое, зав. лит многое повыкинул – заменил апробированным: ответственности меньше.** Опять старое. Обидно. И с деньгами хуже. Хорошо, что хоть «Щепова» да «Знакомое лицо» сохранили. (17.03.73).

<...> Лениздат. Книжка по графику должна быть сдана в производство с 1 по 5 марта. Я в больнице. Наверное, редакторша обрывает телефон у меня на дому. А жена на службе. Книга может еще затянуться. Пусть. **Все равно все хорошее из нее долой, и это подобрал «Советский писатель». Труссы, гниды и сволочи. Сделали мне что-то второго издания «Долгой жизни». Острота прочь. Ни денег, ни удовлетворения от этой книги я не получу. Если бы выходила она одна – пришлось бы краснеть.**

Три года редакторша мотала мне душу. Обманывала меня и начальство, оттягивая сдачу. Такого свинства я еще не видел. Ей на пенсию, работать неохота, и она решила закончить работу на мне. Она «большая», а

Воробьев «сложный». А в феврале уехала она на Кавказ...

Как я жил эти годы, когда договор с Лениздатом связал по рукам и ногам. Вдруг подарок с неба – «Советская Россия» – и книжка на столе.

Другой год – другой подарок. Бог есть. «Современник» – сами!!! Так еще Лениздат тут же завел дело – две книги за один год...

Третий год – «Советский писатель», и завтра – даже не верю – приилют.

Причем начислено 1800 руб, получу чуть больше 1500.

Но в этом ли суть? Столько дыр, что это не деньги. (2.03.76).

Многократно в письмах рассказывается о писательских поездках с выступлениями по стране и области, которые, после небывалой популярности творческой интеллигенции в период оттепели и в «застой» вызывали большой интерес у широкой публики. В одном из писем указано, что в год происходит более 20ти таких командировок, и неизменно на встречи собираются сотни людей. Писатели выступали в цехах и школах с лекциями по истории литературы, рассказывали о современной прозе, читали стихи. Командировки служили и для сбора материала для самих писателей, которые в это время совершенно не выглядели богемой и таковыми не являлись. На широкую ногу была поставлена просветительская работа, а также работа с творческой молодежью:

<...> У меня декабрь проходил в поездках и трудах. Даже и сегодня – семинар молодых авторов. Напишу тебе и пойду.

6го декабря я выехал в Ленинград, сделал кое-какие дела, и в Москву. «Долгая жизнь» вышла, в Ярославле – книжка в наборе (кстати, данные о ней ты можешь прочитать в плане «Верхней Волги» на 1972 год, что есть в любом книготорге), теперь, думаю, надо оккупировать столицу.

<...> 14го был в Чудове. Открывали музей и памятник Некрасову. 16го -19го был в Окуловке. Проводили кустовой семинар (25.12.71).

<...> Вот и езжу по районам Новгородской области. Добираю первоначальный вариант книжки. Заодно зарабатываю на радио и в газете. Был в Пестове (в мае). Район похож на Кологрив. Потом в Демянске (это Селигер). Потом в знаменитом Валдае. (17.06.71).

<...> Неделю сидел, еще безработица.

Ну а сейчас, как лев, кинулся в работу, в заработки. Опять рецензии, командировки, выступления.

В командировках одно хорошо: повидал много производств. В цехах выступал. Видел, как делают фарфор, мебельную фурнитуру, стеклянную посуду, перчатки, телевизоры, джутовые мешки и проч. (8.03.71).

Творческие командировки для написания очерков и статей по заказам редакций газет были небольшим финансовым подспорьем для писателей, поскольку членство в писательской организации служило, скорее, возможностью не считаться «тунеядцем», не имея стабильной работы.

<...> Весь август просидел за очерками. Небывалый случай: Кологрив зверски взбодрил меня, и я написал пять очерков. Точнее, в пяти частях один очерк. Больше трех печатных листов. За одно лето.

Послал в «Правду», откуда командировку брал. А там и еще и набранного дать не могут. Копии – в «Наши Современник» и «Северную правду».

Просьба. Если что-то начнет появляться в «Северюге» – посылай мне. Пожалуйста. Боюсь, обкарнают.

В №8 «Молодой гвардии» есть статейка обо мне: «За двумя волоками».

2-го сентября сын пойдет в 10ый, дочь в первый класс. Все опять повторится сначала... (31.08.74).

Впрочем, постоянное ожидание гонораров и вынужденность несистемных заработков – советская обыденность для многих творческих советских людей, как и жизнь в долг.

Здравствуй, Олег!

Неудобно отвечать тебе на письмо: все грошей не могу послать. Десять раз собирался, но то один прорыв, то другой. В марте как-нибудь стабилизирую положение и должен рассчитаться. Вообще-то говоря, в январе я заработал до черта. Применил и использовал все: платные выступления, публикации, рецензии и т.д. Заработал триста – а долгов четыреста. Сказались: моя поездка на Урал к родителям и сессия жены: не зарабатывал в то время. Ну несколько выкрутился, а февраль – опять прорыв. Февраль сидел в Питере с редактором. (8.03.71).

Самые необходимы вещи, по сегодняшним представлениям, семья писателя смогла приобрести только на пятый год после переезда:

<...> Теперь еще одна новость: написал я еще маленькую повестушку. Однако очень острую – не знаю, пойдет ли куда. Но написал, брат. И доволен – выговорился. Тем более, что очерк да всякие житейские мелочи могли отвлечь, и тянул бы все. Буду посылать. Дома все в норме. Получил за прежнюю повесть: сразу все и размаркидонил.

Семья не мала, да и дыр хватает. Кое-что из барахла купил, стиральную машину «Сибирь» да пылесос «Вихрь». Теперь вроде все есть, да белить, красить надо. Ну, это к лету. (10.02.72).

Вопреки сложившимся представлениям о тотальном атеизме советских лет «застоя» и несмотря на массивную антирелигиозную советскую пропаганду, письма писателя показывают большой интерес его современников к деятелям церкви прошлого, у многих людей – к религиозным практикам, об этом свидетельствуют не только упоминания о родственнике, историке русской церкви, но и всевозможные апелляции к Богу:

<...> Я все надеюсь на творческую командировку... Надо мне побывать в парфеньевском районе. Я, наверное, писал тебе о Е.Е. Голубинском, – прадеде? Профессоре Московской Духовной Академии? И атеисты, и церковники вспоминают его. А я упомянул («В гости к Щепову», да и наболтал «под шафе»). И полезли ко мне со всех сторон: подари, продай... А ничего и нет. В родовом доме (если все не сожгли) должно кое-что быть. Тетки дали согласие. Хочу поехать... (17.06.76).

<...> А приезжали тут из Академии наук, и я узнал, что на прадеда моего сейчас дикая, совершенно невообразимая мода. (2.06.1976).

Необходимо заметить, что командировка оказалась в смысле поиска артефактов, оставшихся от профессора Е. Е. Голубинского, безрезультативной.

Не обходятся письма без упоминаний привычных советских реалий – дефицита товаров; здесь писатели имели некоторые преференции, но только в приобретении книг и подписок на многотомные издания (практика издавать подписные издания закончилась в 1990-е годы):

<...> Решил послать тебе вот эту книжницу. У вас, поди, ее нет. Большую часть тиража взял Новгород, ибо это о нас. А мне уж больно понравилась.

Были новгородские иконы (альбом) по 7 рублей. Те не успел ухватить даже себе. А в Питере ими аж спекулируют. (17.02.75).

<...> Сумел подписаться на 50-ти томную библиотеку для детей. Большой успех: из-за нее тут передрались все. Издание, видимо, будет отличным... 1-го августа выезжаю в творческую командировку. Союз писателей благословил на 20 дней. (13.07.76).

В последних, предсмертных письмах писателя ощущается усталость от бесконечной борьбы при издании текстов и ожиданий выхода публикаций

и гонимых, однако позитивный настрой связан с возможностью творческой работы – **пишется**:

<...> Хорошо, что ты пишешь, а то как-то тоскливо, тошно. Зима необычно суровая для здешних мест. Да и простыл. Вот сижу дома, хандрю. А водки не пью...

Для меня это – большое утешение. Да еще при моей болезненной страсти к порядку в делах. Все в порядок привел. Даже на книги нечто вроде каталога составил...

<...> Пусть денег мало – будут. Все-то дела в порядке, везде-то написано, позвонено. Отчет Литфонду подписал в срок.

<...> Вот, пожалуй, и все. Ждем весны, а я особенно. Как всегда, жду «остаточка» от издательского договора, и новой книжки, и решения вопроса в других издательствах.

Так вот вся жизнь в ожиданиях. Лежат вот у меня две посмертные книги Шукина – тоже всю жизнь, как он пишет, ждал, когда бросит кино и примется за писание по-настоящему. И дождался. Вышли сейчас две книги рассказов и киносценарий. И печатать больше нечего. И его нет... (19.01.76).

Отсутствие денег и «жизнь взаимы» – привычные реалии для российского писателя всех времен, и в этом смысле советская эпоха – не исключение:

Дома, когда уезжал, все было в норме. Правда, безденежье: похороны, поездки. Но мы к этому привыкли: перепады все время. (15 дек 1975).

<...> Денег нет... А настроение ничего. А потому, что пишется. В областную газету фельетоны запустил. А когда ты получишь это письмо, допишу, даст Бог, большой рассказ. Смело и откровенно пишу в стол. Но посылать в издательства буду. Любопытны ответы. Название – «Ресторан»... А тебе посылаю афишу: можешь повесить ее в мансарде или в туалете. Посмотреть и вспомнить: вот чем приходится заниматься на старости лет. «Кормимся, Ваше Сиятельство» (Последнее письмо, 9.09.76).

Надо отметить, что по советским меркам 40-летие считалось уже началом старости, а не временем расцвета, как сегодня. Письма изобилуют сообщениями о смертях друзей и знакомых из писательской среды, едва перешагнувших 50-летний рубеж. До старости в понимании сегодняшнего дня писатель не дожил.

Заключение

Эпоха «застоя» предстает перед читателями личных писательских писем противоречивым феноменом, с одной стороны, как характеризующаяся выстроенной государственной политикой под-

держки образования, просвещения и творческих союзов, с другой – как отсутствие стабильности и уверенности в завтрашнем дне у человека, живущего только плодами своего творческого труда. Не случайно самыми частотными словами писем являются слова *ожидание* (выхода в свет книг, публикаций, договоров, денег), *командировка* (творческая, с выступлениями, для написания очерков и переговоров с издательствами), а самые частотные темы: цензурирование в издательствах, необходимость содержать семью и зависимость от несистемных заработков.

В то же время разрушается стереотип о невосребованности во время «застоя» инициативы, отсутствию конкуренции и личностного фактора в принятии издательских и государственных решений.

Автор статьи благодарит Людмилу Каликину и всю ее семью за хранение писем на протяжении полувека.

Библиографический список

1. В Великом Новгороде сегодня вспоминают одного из основателей новгородской писательской организации // газета «Новгород» от 07.04.2024. URL: <https://gazetanovgorod.ru/novosti/v-velikom-novgorode-segodnja-vspominayut-odnogo-iz-osnovatelej-mestnoj-pisatel'skoj-organizacii.html?ysclid=lx4kor3bp665880629> (дата обращения: 13.09.2024)
2. Дедков И. Терпение и надежда // Во все концы дорога далека : лит.-критич. статьи. Ярославль, 1981. С. 147–164.
3. Дидковская Н. А. Рецепция советской эстетосферы в культуре современной России // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 151–161.
4. Ерохина Т. И. Социокультурное пространство как фактор формирования духовно-нравственных ценностей // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 241–249.
5. Ершов Б. А., Любимов А. В. Период развитого социализма в СССР: вехи истории // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019. № 1 (18). С. 22–29.
6. Злотникова Т. С., Куимова В. М. Ностальгия по советскому в современном медиапространстве // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2 (119). С. 133–143.
7. Каминская Т. Л. Проза шестидесятников как источник региональной идентичности современников (костромской и новгородский писатель Леонид Воробьев) // В сборнике: Кострома. Genus Loci. Альманах. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / сост. и отв. редактор А. В. Зайцев. Кострома, 2022. С. 60–64.
8. Каминская Т. Л., Воробьев Л. Л. «И нашлась та родная сторона...»: Леонид Иванович Воробьев (1932–1976) // Новгородский край в русской литературе. Великий Новгород, 2009. С. 859–864.
9. Капустина О. В. Советский анекдот как исторический источник для изучения образа интеллигента // Интеллигенция и мир. 2012. № 4. С. 9–12.
10. Каравайцева И. С. «Ледниковый период»: поэзия, власть и общество в Советском Союзе эпохи застоя // в сб: Культура и история в компаративном измерении: материалы I Всероссийского научно-методологического семинара. 2012. С. 118–125.
11. Карташова Е. П., Бобыкина Е. Н. Частное письмо в эпистолярной С. Довлатова: стилевой аспект // Вестник марийского государственного университета. Т. 15. № 1. 2021. С. 92–97.
12. Костромской и новгородский писатель Леонид Иванович Воробьев // Костромка.ру. URL: <https://lib.kostromka.ru/vorobyov/index.php> (дата обращения: 09.08.2024)
13. Лушин А. И., Утешева О. В. Социальная сущность и исторические особенности формирования творческой интеллигенции Ленинграда в 1965–1985 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 4 (52). С. 120–126.
14. Минабаева С. В., Жигалова Я. И. Эпистолярный жанр как форма репрезентации языковой личности // Казанская наука. №7. 2023. С. 65–67.
15. Никонова С. И., Жумлякова О. С. Личные документы как исторический источник (по материалам проекта «Наследие») // Гуманитарные науки в XX веке: интернет-журнал. 2022. № 18. С. 34–45.
16. Оглезнева Е. А. Рецензия на книгу: «ностальгия по советскому» // Вестник Томского университета. Филология. 2018. № 55. С. 260–269.
17. Романова А. П., Федорова М. М. «Советская ностальгия» несоветского цифрового поколения Российской Федерации // Южно-Российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22 (1). С. 6–18.
18. Суворова А. А. Советское наивное искусство: между конформностью и неконформизмом // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2021. № 3. С. 82–90.
19. Томмингас Т. Архивы раскрывают тайны. Леонид Воробьев – писатель из советского прошлого // 53Новости от 22.01.2021.. URL: <https://53news.ru/novosti/64373-arkhivy-raskryvayut-tajny-leonid-vorobjov-pisatel-iz-sovetskogo-proshlogo.html?ysclid=lx4hq8nsr578129177> (дата обращения: 23.08.2024)
20. Упоров И. В., Тицкий И. А. Период «застоя» в СССР: социально-политическая характеристика // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 3–6 (73). С. 504–507.

Reference list

1. V Velikom Novgorode segodnja vspominajut odnogo iz osnovatelej novgorodskoj pisatel'skoj organizacii = Veliky Novgorod today remembers one of the founders of the Novgorod Writers' Organization // gazeta «Novgorod» ot 07.04.2024. URL:

<https://gazetanovgorod.ru/novosti/v-velikom-novgorode-segodnya-vspominayut-odnogo-iz-osnovatelej-mestnoj-pisatel'skoj-organizacii.html?ysclid=lx4kop3bp665880629> (data obrashhenija: 13.09.2024)

2. Dedkov I. Terpenie i nadezhda = Patience and hope // Vo vse koncy doroga daleka : lit.-kritich. stat'i. Jaroslavl', 1981. S. 147–164.

3. Didkovskaja N. A. Receptija sovetskoj jestetosfery v kul'ture sovremennoj Rossii = Reception of the Soviet esthetic sphere in the modern Russian culture // Verhnevolskij filologicheskij vestnik. 2022. № 4 (31). S. 151–161.

4. Erohina T. I. Sociokul'turnoe prostranstvo kak faktor formirovanija duhovno-nravstvennyh cennostej = Sociocultural space as a factor of forming spiritual and moral values // Verhnevolskij filologicheskij vestnik. 2023. № 4 (35). S. 241–249.

5. Ershov B. A., Ljubimov A. V. Period razvitogo socializma v SSSR: vehi istorii = The period of developed socialism in the USSR: milestones of history // Problemy social'nyh i gumanitarnykh nauk. 2019. № 1 (18). S. 22–29.

6. Zlotnikova T. S., Kuimova V. M. Nostal'gija po sovetскому v sovremennom mediaprostranstve = Nostalgia for the Soviet in contemporary media space // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2021. № 2 (119). S. 133–143.

7. Kaminskaja T. L. Proza shestidesjatnikov kak istochnik regional'noj identichnosti sovremennikov (kostromskoj i novgorodskoj pisatel' Leonid Vorob'ev) = The prose of the sixties as a source of contemporary regional identity (Kostroma and Novgorod writer Leonid Vorobyov) // V sbornike: Kostroma. Genus Loci. Al'manah. Materialy XII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem / sost. i otv. redaktor A. V. Zajcev. Kostroma, 2022. S. 60–64.

8. Kaminskaja T. L., Vorob'ev L. L. «I nashlas' ta rod-naja storona...»: Leonid Ivanovich Vorob'jov (1932–1976) = «And that native land was found...»: Leonid Ivanovich Vorobyov (1932–1976) // Novgorodskij kraj v russkoj literature. Velikij Novgorod, 2009. S. 859–864.

9. Kapustina O. V. Sovetskij anekdot kak istoricheskij istochnik dlja izuchenija obraza intelligenta = Soviet jokes as a historical source for studying the image of intelligentsia // Intelligencija i mir. 2012. № 4. S. 9–12.

10. Karavajceva I. S. «Lednikovyj period»: poezija, vlast' i obshhestvo v Sovetskom Sojuze jepohi zastoja = «Ice Age»: poetry, power and society in the Soviet Union of the stagnation era // v sb: Kul'tura i istorija v komparativnom izmerenii: materialy I Vserossijskogo nauchno-metodologicheskogo seminar. 2012. S. 118–125.

11. Kartashova E. P., Bobykina E. N. Chastnoe pis'mo v jepistoljarii S. Dovol'tova: stilevoj aspekt = Per-

sonal letters in S. Dovol'tov's epistolary: a stylistic aspect // Vestnik marijskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 15. № 1. 2021. S. 92–97.

12. Kostromskoj i novgorodskij pisatel' Leonid Ivanovich Vorob'ev = Kostroma and Novgorod writer Leonid Ivanovich Vorobyev // Kostromka.ru. URL: <https://lib.kostromka.ru/vorobyov/index.php> (data obrashhenija: 09.08.2024)

13. Lushin A. I., Utesheva O. V. Social'naja sushhnost' i istoricheskie osobennosti formirovanija tvorcheskoj intelligencii Leningrada v 1965–1985 gg. = Social essence and historical features of forming Leningrad's creative intelligentsia in 1965–1985 // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija. 2019. № 4 (52). S. 120–126.

14. Minibaeva S. V., Zhigalova Ja. I. Jepistoljarnyj zhanr kak forma reprezentacii jazykovoj lichnosti = Epistolary genre as a form of linguistic personality representation // Kazanskaja nauka. №7. 2023. S. 65–67:

15. Nikonova S. I., Zhumljakova O. S. Lichnye dokumenty kak istoricheskij istochnik (po materialam proekta «Nasledie») = Personal documents as a historical source (based on the materials of the project Heritage) // Gumanitarnye nauki v HH veke: internet-zhurnal. 2022. № 18. S. 34–45.

16. Oglezneva E. A. Recenzija na knigu: «nostal'gija po sovetскому» = Book review: «nostalgia for the Soviet» // Vestnik Tomskogo universiteta. Filologija. 2018. № 55. S. 260–269.

17. Romanova A. P., Fedorova M. M. «Sovetskaja nostal'gija» nesovetskogo cifrovogo pokolenija Rossijskoj Federacii = «Soviet nostalgia» of the non-Soviet digital generation in the Russian Federation // Juzhno-Rossijskij zhurnal social'nykh nauk. 2021. T. 22 (1). S. 6–18.

18. Suvorova A. A. Sovetskoe naivnoe iskusstvo: mezhdru konformnost'ju i non-konformizmom = Soviet naive art: between conformity and non-conformism // Novoe iskusstvoznanie. Istorija, teorija i filosofija iskusstva. 2021. № 3. S. 82–90.

19. Tommingas T. Arhivy raskryvajut tajny. Leonid Vorob'ev – pisatel' iz sovetskogo proshlogo = Archives reveal secrets. Leonid Vorobyov, a writer from the Soviet past // 53Novosti ot 22.01.2021. URL: <https://53news.ru/novosti/64373-arkhivy-raskryvajut-tajny-leonid-vorobjov-pisatel-iz-sovetskogo-proshlogo.html?ysclid=lx4hq8nsr578129177> (data obrashhenija: 23.08.2024)

20. Uporov I. V., Tickij I. A. Period «zastoja» v SSSR: social'no-politicheskaja harakteristika // Evrazijskoe Nauchnoe Ob#edinenie. 2021. № 3–6 (73). S. 504–507.

Статья поступила в редакцию 28.09.2024; одобрена после рецензирования 18.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted on 28.09.2024; approved after reviewing 18.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024